

Митрополит Исидор (Тупикин)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (СОКОЛОВА) В КАЧЕСТВЕ ЧЛЕНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ДУХОВНО-ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА

Духовная цензура многие десятилетия играла важнейшую роль в издательстве не только духовной, но и светской литературы в Российской империи. В настоящей статье речь пойдет об одном из цензоров Петербургского духовно-цензурного комитета — архимандрите Иоанне (Соколове). Для данного комитета была присуща частая смена цензоров, однако архим. Иоанну удалось продержаться на должности с 1848 по 1857 гг. На примере его работы показаны методы и принципы, применявшиеся в духовной цензуре. В качестве основных источников использованы фонд Духовно-цензурного комитета (Ф. 807), хранящийся в Российском государственном историческом архиве, и «Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре»; помимо прочей дополнительной литературы изучена монография А. Н. Котовича. Путем сравнения отзывов архим. Иоанна с должностными указаниями «Сборника законоположений...» стало возможным выявить характерные методы и мотивационную динамику его решений. В заключение статьи автор на основе полученного материала формулирует вывод относительно объективности тех или иных взглядов архим. Иоанна (Соколова) и дает оценку его деятельности в качестве члена Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета.

Ключевые слова: духовная цензура, светская цензура, Духовно-цензурный комитет, архимандрит Иоанн (Соколов), авторы, произведения, методы, запрет.

Прежде чем приступить к рассмотрению деятельности архимандрита Иоанна (Соколова), в будущем епископа Смоленского, на посту цензора, необходимо дать краткую характеристику Петербургскому духовно-цензурному комитету, имевшему несколько отличное положение по сравнению с Московским отделением духовной цензуры. После чего на основе имеющихся документов из архива Духовно-цензурного комитета можно будет приступить к изучению главной темы настоящей статьи.

Само положение Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета в столице диктовало особые условия работы данного органа. По свидетельству А. Н. Котовича, сильное влияние комитет испытывал со стороны прежде всего обер-прокуроров, которые зорко следили за его деятельностью [Котович, 1909, 367]. Влияние это осуществлялось через назначаемых на посты ректора Столичных семинарии и Академии. Также важной характеристикой столичного Духовно-цензурного комитета являлась частая ротация кадров, которая происходила по различным причинам, таким как: смерть, увольнение, переводы и т. д. Кроме того, многие из цензоров имели обширный круг иных обязанностей, что не могло не сказываться на качестве цензуры проверяемых материалов. Так, например, архим. Иоанн (Соколов) на момент назначения цензором являлся помощником инспектора Петербургской духовной академии. От последней должности он вынужден был отказаться, о чем Внутреннее правление Академии написало обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову следующее: «По причине умножений занятий его по должности члена Цензурного комитета, возложенной на него определением Святейшего Синода от 20/24 августа текущего

Митрополит Исидор (Тупикин Роман Владимирович) — управляющий Смоленской епархией, аспирант кафедры церковной истории Московской духовной академии (tupikinv2017@mail.ru).

года, так и по слабости его здоровья ходатайствует об освобождении от должности помощника инспектора...» (РГИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 10631. Л. 1). Данное прошение было вскоре удовлетворено.

Описывая состояние духовной цензуры в середине XIX в. при графе А. Н. Протасове, небезынтересным будет прочитать фрагмент из письма прот. Иоанна Скворцова к свт. Иннокентию Херсонскому: «Отец ректор имел разговор о проповеди вашей с нашим владыкой, и владыка сказал, что хорошо бы такую проповедь представить Святейшему Синоду, хотя, впрочем, и он не совсем одобряет наше напечатание такой проповеди. А как же представить Синоду, не делая неприятностей харьковским властям? Вот до чего мы дожили, что и святой правды вслух сказать уже не смеем! Где же те, которые пред цари глаголали и не стыдились? Где Феодосиевы обличители? Где Златоусты, не щадившие вельмож?» [Барсов, 1887, 79]. В таких условиях проходил путь своего служения в должности цензора Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета архим. Иоанн (Соколов).

В 1848 г. вышло определение Святейшего Синода о назначении в Петербургский духовно-цензурный комитет на место почившего прот. Тимофея Никольского архим. Иоанна (Соколова): «На открывшуюся вакансию члена при С.-Петербургском комитете для цензуры духовных книг определить бакалавра Академии соборного иеромонаха архимандрита Иоанна...» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5). А. Н. Котович дает ему следующую характеристику: «Как цензор, Иоанн (архимандрит Иоанн (Соколов). — *митр. Исидор*) по своим приемам и опасливым суждениям представлял довольно заурадное явление на общем фоне тогдашнего духовно-цензурного режима. Как и его сподвижники, он боялся всего, что в той или иной мере отличалось новизной» [Котович, 1909, 414]. В подтверждение своего вывода Котович приводит различные примеры из отзывов архим. Иоанна на рассмотренные им материалы. В настоящем исследовании мы сделаем попытку беспристрастно рассмотреть документальные свидетельства деятельности архим. Иоанна в качестве цензора, после чего уже будем делать вывод о справедливости высказанного А. Н. Котовичем мнения.

Так, в 1848 г. в цензурный комитет поступила брошюра под названием «Плач на гробе Иоанна Снегурского, епископа Перемышльского, и слеза, посвященная останкам его». Из отзыва на эту работу можно увидеть пристальное внимание архим. Иоанна к уместности и контексту используемых авторами приемов. В своей справке он пишет следующее: «Надгробная поэма не может быть одобрена, ибо наполнена языческой мифологией и при гробе христианского епископа размышляя о смерти его по мрачным языческим идеям не дает места христианским чувствам бессмертия, воскресения и вечной жизни» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1102. Л. 2). Кроме того, проверяемая речь, по замечанию цензора, могла использоваться и в храме при служении панихиды, поэтому доводы, которые приводит архим. Иоанн против напечатания «Плача», можно признать небезосновательными. Центром жизни и смерти любого христианина является Христос, Его страдания, смерть и воскресение. Поэтому использование образа древнегреческих божеств в описываемом случае можно признать не вполне уместным. Данное решение отчасти могло бы найти свою опору в § 53 «Сборника законоположений и распоряжений по духовной цензуре», в котором говорится: «Поучения, или слова, которые содержат в себе учение веры основательное, правила жизни чистые и согласные с верой, которые одушевляются благочестивыми чувствованиями, и в которых употреблен язык ясный и приличный предметам, достойны одобрения» [Сборник, 1870, 63]. В описанном случае цензор указывает как раз на несоответствие «языка» «предмету» речи.

В следующем, 1849-м, году архим. Иоанн рассматривал сочинение «О взаимных обязанностях христианских супругов, учение св. Иоанна Златоуста». Это сочинение не удовлетворило цензора прежде всего по двум причинам, о чем он говорит в своем отзыве: «Рукопись... есть не что иное, как ученическое рассуждение на заданную тему... Оно содержит в себе только сбор мнений из сочинений Св. Златоуста... Учение Св. Златоуста приведено притом в плоском переводе и вообще дурным даже

греческим языком...» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1112. Л. 11). В этом случае становится понятным, что основная претензия к рассмотренному труду сводится к его оригинальности и переводу. То есть автор текста сделал выборку определенных фрагментов из творений свт. Иоанна Златоуста, причем не в самом удачном переводе, и сделал из них компиляцию без качественного комментария. В таком случае ценность данного труда и его полезность, действительно, являются сомнительными. Что касается официальных инструкций, то касательно перевода сказано в § 64 следующее: «Переводы вообще не одобряются по важным недостаткам переложения, как то: темноте, погрешностям, нечистоте языка и безрассудным опущениям, нарушающим связь сочинения» [Сборник, 1870, 65]. Что касается оригинальности текста, то особых указаний по этому поводу в Уставе духовно-цензурного комитета не имеется. Поэтому данное замечание является скорее личным мнением самого цензора.

Следующее произведение, рассмотренное архим. Иоанном (Соколовым), называлось «Жизнь доктора Мартина Лютера». Эта книга была переведена на русский язык с немецкого. Не рекомендуя ее к печати, цензор привел следующие доводы: «Рукопись Жизнь доктора Мартина Лютера не может быть одобрена к напечатанию. Ибо: жизнь Лютера показывается с лютеранской точки зрения... явно отвергаются также догматы веры и правила Церкви, как то: догмат о Телe и Крови Христовой, о священстве... В таком виде это сочинение, без сомнения, будет не приятно Православной Церкви... соблазнительно для слабых и немощных в вере» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1112. Л. 95–95 об.). Основания для отказа в публикации можно обнаружить в § 62: «Может также пропущен быть перевод, в котором изложена система учения какого-либо иного вероисповедания, если переводчик в примечаниях повсюду будет сопровождать таковое учение здравою критикой, и в предисловии скажет — какого исповедания был сочинитель издаваемого труда» [Сборник, 1870, 64]. Как было сказано выше, упомянутое сочинение являлось переводом на русский язык с немецкого, и можно предположить, что написано оно было лютеранином. Во всяком случае цензор не говорит о том, было ли это указано в предисловии. Ничего цензор не сказал и о необходимых примечаниях. Так, с формальной точки зрения архим. Иоанн действует верно, однако вполне логичным является то, что в «Жизни доктора Мартина Лютера» были заложены лютеранские идеи. Также вероятно, что ориентировано сочинение было на людей, придерживавшихся лютеранства, но по правилам того периода, переводчику необходимо было дать критическую оценку неправославным идеям, чего он не сделал.

Нередки были случаи, когда в духовную цензуру поступали материалы из светской. Зачастую это были фрагменты тех или иных сочинений, имеющие религиозное содержание. При работе с такими фрагментами архим. Иоанн (Соколов), как видно из различных дел, чаще всего рекомендовал их полностью исключать. Так, в 1848 г. он рецензировал фрагмент сочинения «Павел Иовий Новокомский». Как видим из самого названия, книга посвящена одному из ученых-гуманистов, епископу Ночерскому. В своем отзыве на книгу архим. Иоанн (Соколов) говорит о том, что автор сделал вставки спорного содержания, касающиеся истории Церкви. И, по мнению цензора, «духовная цензура... должна требовать исключения таких мест, которые притом, как частные места, и не имеющие существенной связи с целым сочинением, удобно могут быть исключены, без ущерба полноте и достоинству сочинения» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1083. Л. 29). То есть архим. Иоанн пытается перестраховаться от возможных вопросов по этому делу и рекомендует так же поступать авторам сочинений. Кроме того, любые сочинения, могущие вызвать вопросы, направлялись им в Святейший Синод, дабы обезопасить себя от возможных нареканий (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 32, 44–44 об., 73, 79). Рассматривая «Вечный стенной календарь», присланный также из светской цензуры, архим. Иоанн не дал разрешения на печать, аргументируя это следующим соображением: «Полезно уважительное свидетельство от сословия специальных ученых о верности и точности излагаемых в календаре вычислений» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1221. Л. 2). Помимо этого, нередко были случаи, когда цензор возвращал рукописи обратно в светскую цензуру, так как, по его

мнению, они не подлежали цензуре духовной (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 44 об.; Д. 1213. Л. 15).

А. Н. Котович пишет об архим. Иоанне как о «ригористе» в области стилистического оформления текста [Котович, 1909, 418]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Так, рассматривая поэму Ивана Сафонова «Мироздание», цензор пишет: «Не может быть одобрена к напечатанию по недостатку смысла и склада в стихосложении» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1163. Л. 18). В записке о «Слове, сказанном архимандритом Кириллом (Флоринским) в день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны», архим. Иоанн заметил: «Я нашел, что оно ни по мыслям, ни по слогу не сообразно с духом настоящего времени; издание не имеет никакой цели и не обещает потому никакой пользы» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1163. Л. 36). Запрещая печать «Краткого исторического описания святыни Новгородской», цензор отмечал: «Притом иностранцы (шведы) на стр. 72 называются свиньями, и это грубое слово влагается в уста Богоматери. Такое неприличие не может быть допущено...» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1170. Л. 9). Также видно недовольство архим. Иоанна стилем автора сочинения «Саровская пустынь и знаменитые иноки, в ней подвизавшиеся»: «В слоге есть неправильность, как, например, глагол не редко оставляется без подлежащего; есть неточность и неясность в выражениях» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1184. Л. 90 об.). Из данных примеров можно видеть, с какой строгостью цензор относился к содержащимся в сочинениях мыслям и форме их подачи. Строгость эта находила свою опору в § 62: «Но сочинения большие и малые с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувствий, доброте слога, ясности и правильности изложения, противны образованным, бесполезны необразованным и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы» [Сборник, 1870, 63]. Как видим, процитированный параграф давал цензорам довольно широкие основания для запрещения печати сочинений, так как под данную статью могло попасть немалое число произведений.

Особенное внимание архим. Иоанн (Соколов) уделял цитированию фрагментов Священного Писания. Так, 9 апреля 1849 г. в своей записке об отказе в разрешении на напечатание сочинения прот. Василия Троянского «Орудия страстей Господа нашего Иисуса Христа» архим. Иоанн заметил: «Места Священного Писания не всегда правильно употребляются, часто через смешение славянского языка и русского, через неуместное употребление в связи с таковыми выражений, которые не употребляются в образованной речи; некоторые приводятся неверно и без всякой нужды... автор намеренно избирает неуместные и громкие фразы, и приводит пословицы народные» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1116. Л. 47). В данном случае стоит отметить не только то, что все цитаты были серьезным образом перепроверяемы, но и до крайней степени опасливое отношение цензуры в описываемый период к русскому переводу Священного Писания, которое усилилось после дела прот. Герасима Павского. В другой записке архим. Иоанн обращал внимание на то, что цитаты из Библии были употреблены неточно и согласно Вульгате, а не славянскому или греческому переводам: «Во многих листах сочинения не достаёт точности при указании на текст Священного Писания. <...> Заметно, что сочинитель постоянно основывается в своем указателе не столько на Библию славянскую или греческую, сколько на латинскую, а именно — Вульгату» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1138. Л. 6). Проверяя проповедь свящ. Василия Флерова, цензор заметил «на стр. 12 весьма грубую и нестерпимую опечатку, особенно важную потому, что вкралась в текст Евангелия» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1112. Л. 83). Архим. Иоанн (Соколов) не рекомендовал выдавать билет на выпуск проповеди из типографии. В этих примерах можно увидеть внимательность и щепетильность архим. Иоанна при проверке им фрагментов Священного Писания, хотя прямые указания в Уставе по поводу употребления перевода Библии на русский или иные языки отсутствуют.

Пристальное внимание архим. Иоанн (Соколов) уделял догматическому содержанию текстов. Рассматривая сочинение «Всемогушество Божие в природе», 12 ноября

1849 г. он написал отзыв, в котором замечалось: «Главы 15 и 16 заключают в себе непринятые у нас мысли о трехчастном делении человека, о безгрешности человеческого духа, которые приводят автора к неправильным заключениям о свойствах души, о первородном грехе...» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1125. Л. 2–2 об.). Следует заметить здесь, что существует два лагеря, по-разному отвечающих на вопрос о составе природы человека, — дихотомисты и трихотомисты. В посленикейский период возобладало мнение о двусоставности человеческой природы, включающей в себя душу и тело. Однако и противоположная точка зрения не была осуждена, поэтому данная область православного богословия до сих пор находится в дискуссионном поле [Давыденков, 2013, 284–287]. То есть архим. Иоанн в описанном случае имел целью убрать спорное мнение для предотвращения ненужных вопросов. Относительно других замечаний этого отзыва особые комментарии излишни.

Догматические вопросы, по замечанию А. Н. Котовича, были «самой чувствительной струной тогдашних ревнителей по православию» [Котович, 1909, 415]. В связи с этим упомянутый автор представляет архим. Иоанна «по своим приемам и опасливым суждениям довольно заурядным явлением на общем фоне тогдашнего духовно-цензурного режима» [Котович, 1909, 414]. Комментируя это мнение, стоит отметить, что А. Н. Котович, во-первых, сам называет догматику «чувствительной струной», то есть, независимо от мнения самого архим. Иоанна, пропускаемые сочинения и в последующем могли вызвать множество вопросов и нареканий, если бы в них найдено было что-либо спорное и невятное. Во-вторых, он называет духовно-цензурную систему «режимом», что лишь подтверждает вышесказанное мнение о многоступенчатости проверок и невозможности скрыть ошибки. Тем более не совсем понятно, какое место А. Н. Котович отводил догматике в жизни Церкви. Так, он пишет, что архим. Иоанн, «как и его сподвижники, боялся всего, что в той или иной мере отличалось новизной» [Котович, 1909, 414]. О какой новизне автор ведет речь, говоря о том, что является незбылемым для жизни Христианской Церкви, фундаментом и столпом, на котором зиждется спасение человека?! Тем более что существовал прямой указ Святейшего Синода от 25 мая 1845 г. «О более строгом рассматривании догматических книг», который постановлял: «Святейший Правительствующий Синод, обращая особенное внимание на важность издаваемых догматических книг, признал необходимым подтвердить духовным цензурным комитетам, дабы они, во-первых, с большей строгостью рассматривали таковые сочинения, а во-вторых, чтобы они о каждой такого содержания книге... представляли Синоду на разрешение...» [Сборник, 1870, 122].

В записках архим. Иоанна можно заметить некоторую иронию при комментировании им цензурируемых сочинений. Запрещая к напечатанию «Духовные псалмы» иеромонаха Киево-Печерской лавры Владимира, архим. Иоанн написал: «Издатель рукописи говорит в предисловии, что его рукопись есть питье, сладкое для души, и что от нее в самое скорейшее время можно почувствовать согрешение и теплоту духа. Прочитав рукопись... можно убедиться в противном. Ибо написанное, под именем духовных псалмов, — вирши, не только не имеют значения духовного, но даже смысла... и составляют для души не сладкое, а скорее горечью отравленное питье» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1140. Л. 2).

Порой в записках Духовно-цензурному комитету, написанных архим. Иоанном (Соколовым), виден действительно ригористичный подход к сочинениям. Не рекомендуя к печати «Выписки из бесед Иоанна Златоуста с примечаниями А. М. Курбского», он пишет следующее: «1) Лицо князя Курбского не имеет никакого значения в духовных и богословских трактатах, 2) мысли его не отличаются точностью и зрелостью, 3) язык его с трудом может быть понимаем» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1122. Л. 7). Рассматривая сочинение «О трудолюбии и праздности», архим. Иоанн вынес решение: «Сочинение не может быть одобрено по пустоте содержания и нескладному изложению» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1122. Л. 21). Первый отзыв имеет основания в § 53 [Сборник, 1870, 63]. Этой строгости нельзя отказать в наличии некоторых оснований. Князь А. М. Курбский действительно не является авторитетным духовным писателем,

несмотря на свою публицистическую деятельность. Хотя эти примечания могли бы заинтересовать его биографов. Но тогда не стоило помещать сочинения князя в контекст трудов свт. Иоанна Златоуста. Относительно же второго отзыва, то к нему также относится замечание о «нескладном изложении», то есть об отсутствии «ясного языка» [Сборник, 1870, 63]. В данном случае необходимо исходить из понимания того факта, что цензоры, несмотря на некоторую стесненность в своих суждениях, были профессионалами своего дела. Через их руки проходили десятки сочинений, которые должны были быть тщательным образом изучены. Поэтому бесосновательно подвергать сомнению компетентность мнения цензоров там, где на то нет веских причин.

Что касается таких причин, то здесь интересным будет взглянуть на отзыв, написанный архим. Иоанном 17 февраля 1850 г. на книгу А. Брута «Картина древнего быта еврейского народа с гражданской его историей и географией Палестины»: «Важные события и постановления в еврейском народе объясняются с гражданской, а не церковной точки зрения. В этом отношении заметно влияние в сочинении иноземного духа и чуждой православии уности... относительно многих замеченных подробностей из древнего быта евреев не указаны источники, откуда эти подробности заимствованы» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1120. Л. 5). Через два года автор вновь представит свое сочинение, но и на этот раз получит отрицательный ответ с формулировкой: «Это сочинение написано не в духе Православной Церкви, а больше в духе немецкой учености» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1120. Л. 7). В данном отзыве главным недостатком объявляется «влияние чуждой православии учености». На самом деле сочинение А. Брута предполагало уже появление подобных вопросов, так как невозможно было рассматривать «гражданскую» историю еврейского народа без упоминания событий, описанных в Священном Писании. С этой точки зрения автор сочинения заведомо поставил себя в невыгодное положение. Относительно же «немецкой учености» можно отметить, что именно в описываемое время большое влияние в Западной Европе завоевывал рационалистический подход в изучении не только истории, но и Священного Писания (Тюбингенская школа). Поэтому к такому методу многие относились с большой опаской, в том числе и архим. Иоанн (Соколов).

Что касается замечания об отсутствии указания на источники, то этот факт может косвенно свидетельствовать о прямом заимствовании А. Брутом мыслей и идей западных исследователей, что в тех условиях цензуры бросало еще большую тень на его сочинение. Однако в Уставе ничего не говорится о запрещении сочинений, написанных под влиянием «чуждой православии учености».

Также в этой связи можно отметить отзыв архим. Иоанна на сочинение петербургского мецциана Р. В. Алексеева «Пост в историческом развитии у древних и новых народов», в котором содержатся следующие мысли: «Это обозрение не имеет никакой пользы, и, хотя доказывает всеобщность поста, однако же и через это самое и христианские посты низводит в ряд обыкновенных человеческих установлений» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1148. Л. 2). Далее, говоря о монастырских уставах, архим. Иоанн продолжает: «Что касается разных уставов монастырей, так как разность их оставлена без объяснения, то обозрение их не ведет ни к чему, а только подает мысль о несогласии и неопределенности в Церкви касательно соблюдения постов» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1148. Л. 2).

Из рассмотренных отзывов видно не только и не столько осторожное отношение к учености вообще, сколько попечение о ее пользе для спасения людей. То есть для архим. Иоанна было важным, чтобы наука становилась помощницей людям в их пути ко Христу, а не наоборот — препятствием для достижения духовного совершенства. Поэтому все, что могло смутить людей, дать им повод к искушению, должно было, по мнению архим. Иоанна, запрещаться и не допускаться к напечатанию, что, однако, в теории не совсем согласуется с § 50 Устава духовной цензуры: «Благонамеренное и основательное исследование предметов, описывающих обряды, также вопросов филологических, исторических, хронологических и других, к христианским древностям относящихся, полезно и одобряется» [Сборник, 1870, 62]. Но прежде чем

делать какие-либо выводы, необходимо учесть исторический контекст. Однажды обер-прокурор Святейшего Синода граф Н. А. Протасов доложил императору Николаю, что в духовных школах изучается философия, и на это со стороны императора последовал следующий комментарий: «Как? У духовных есть философия, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!» [Смолич, 1996, 428]. Таково было отношение к философской науке и науке в целом и ее надобности в духовных школах. Поэтому нет ничего удивительного в следующем отзыве архим. Иоанна на сочинение Я. Турунова «Курс всемирной истории»: «Представляются лишними мысли на л. 33, 34, 35, где места Моисеевых сказаний о сотворении мира излагаются без нужды через теории древних и новых философов, которые противны Богооткровению. Посему эти места лучше исключить» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1184. Л. 29). Такой отзыв свидетельствует о большом давлении на всю образовательную жизнь Церкви, каковому не мог противостоять не только архим. Иоанн (Соколов), но и прочие цензоры.

Правилom чрезвычайной осторожности был руководим архим. Иоанн, когда рассуждал о чтении Священного Писания и правильном его понимании. Так, рассматривая «Библейский указатель», цензор замечает: «Для простых читателей одно указание на Священное Писание, без объяснения, недостаточно и невразумительно, притом может вести и к ложным толкованиям Слова Божия» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1138. Л. 6). Однако тут же он отмечает, что «для учебного употребления мог бы быть не бесполезен» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1138. Л. 6). О другом сочинении — «О чтении Священного Писания», архим. Иоанн выразился схожим образом: «Брошюра представляет ту мысль, что Священное Писание может быть и должно быть предоставлено даже самому простому и необразованному человеку и что для правильного рассмотрения Слова Божия достаточно всякому человеку только внутренней чистоты сердца и молитвы о благодатном просвещении свыше. <...> При это упраздняется мысль о необходимости руководства Православной Церкви к пониманию Слова Божия» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1156. Л. 8–8 об.). Из данных отзывов видно, что архим. Иоанн был против простого чтения Священного Писания людьми неучеными. Учитывая то, с какой легкостью люди впадали в заблуждения, создавали различные сектантские движения, будучи движимы неправильным, искаженным пониманием тех или иных мест Библии, можно понять озабоченность цензора отсутствием комментариев к текстам Священного Писания и отвержением идеи о том, что именно при посредничестве Церкви необходимо изучать Слово Божие, тем более что данная мысль содержится и в § 47 его должностных инструкций: «Изъяснения Священного Писания, состоящие в обнаружении подлинного и чистого смысла и духа Писания... достойны всякого одобрения. Изъяснения сии должны быть согласованны с учением Церкви и святых отцов» [Сборник, 1870, 62]. Писание дано для Церкви, и именно она вправе толковать его. Эта мысль проходит у архим. Иоанна (Соколова) красной нитью через все отзывы по данной теме.

Одним из важнейших сочинений, на которое 31 мая 1853 г. был написан отзыв архим. Иоанном, являлся труд А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Начинается отзыв следующими словами: «Описание рукописей синодальной библиотеки в Москве есть труд, заслуживающий всякого уважения. Описание это важно не только в библиографическом отношении, но и в церковно-историческом, потому что дает понятие о состоянии книг Священного Писания в нашей отечественной Церкви от древнейшего до позднейшего времени» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 57). Однако дальше архим. Иоанн начинает свою критику: «Но именно в этом последнем отношении описание рукописей возбуждает некоторые сомнения касательно возможности напечатать и издать оные в настоящем виде для общего употребления» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 57). То есть цензор обращает внимание на то, что исторический метод при исследовании редакций Священного Писания может послужить препятствием к изданию рассматриваемого труда, что формально противоречит § 50 [Сборник, 1870, 62]. Далее архим. Иоанн поясняет свои претензии к «Описанию», говоря о следующих фактах, вскрывающихся при исследовании рукописей: «Среди редакций, относящихся к разным

векам, не встречается ни одного списка вполне исправного... различие в чтениях одних и тех же мест Священного Писания... различие в переводах, опущения, вставки, даже наличие внесенных ложных толкований. Подробное описание таких списков представляется неблагоприятным в том отношении, что ведет к мысли, будто в продолжении стольких веков Церковь наша не имела Слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и читала его в виде поврежденном» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 57). Главным же недостатком труда А. В. Горского и К. И. Невоструева архим. Иоанн считал то, «что в начале не приложено введения или объяснения: какая задача или цель предназначена в описании Синодальной библиотеки? Какими правилами руководствовались описатели?» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 58 об.).

Стоит отметить, что этот труд был все же напечатан благодаря протекции свт. Филарета Московского, который смог оспорить доводы архим. Иоанна, за исключением вопроса о введении (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 65–65 об.). Таким образом, цензор в рассматриваемом случае принимает охранительную позицию. Он признает, что труд безусловно имеет «пользу для ученого употребления» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 58 об.), но для общего употребления он считает его неудобным, так как полученные исследователями результаты, по мнению архим. Иоанна, могли не только смутить простых верующих, но и подстрекнуть к упрекам «иномыслящих, о нашей Церкви» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 58). Свт. Филарет об этих «компрометирующих» фактах сказал, что они «и так всем известны» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1202. Л. 64). С последним утверждением можно поспорить, так как практика показывает, что немалая часть и современных верующих людей слабо представляет себе историю формирования книг Священного Писания, их исторический путь к современному нам состоянию. Однако трудно признать рациональным и отзыв архим. Иоанна. Безусловно, его позиция имела определенные основания, так как грамотность людей, их способность к адекватному восприятию текстов не только Священного Писания, но и даже прямых императорских указов (что подтверждает, например, случай с волнением крестьян с. Бездна Казанской губернии в 1861 г. [Сочалов, Вульфсон, 1948]), вызывали определенные сомнения. Но путь запрещения не мог решить имевшиеся проблемы в церковной науке, но, напротив, в условиях развития критического подхода в изучении Библии на Западе необходимо было взять инициативу научного подхода к исследованию Священного Писания. Только в таком случае Церковь могла бы закрепить за собой авторитет, особенно перед научным миром, серьезного центра изучения книг Священного Писания.

Через три года архим. Иоанну (Соколову) было поручено рассмотреть второй отдел «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Свой отзыв он составил 19 февраля 1856 г. И в нем мы можем увидеть уже несколько иные идеи. Так, в своих замечаниях он пишет уже не просто о наличии в сочинении спорных мест, которые могли бы смутить читателей, но делает акцент на отсутствии примечаний к подобным местам: «Описание недостаточно знакомит с самим содержанием рукописей, посредством выписок» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1255. Л. 9). То есть, по мнению цензора, необходимо было пояснять такие места, которые содержат расхождения с учением Церкви либо ее Преданием. Например, архим. Иоанн пишет о спорном фрагменте, в котором утверждалось, что «иереи не имеют власти отпускать людям грехи, а только личная вера доставляет отпущение грехов» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1255. Л. 9 об.). В другом месте архим. Иоанн задается вопросом: «Каким образом в рукописи вместо „Единородного“ было допущено на древнем языке наименование Сына Божия „Инородным“» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1255. Л. 10). Таким образом, мы видим, что у замечаний архим. Иоанна были некоторые основания. Тем более что рассматриваемое сочинение выходило в свет, где доступ к нему получали люди разного уровня образования и мотивации, поэтому примечания для спорных мест имели свой определенный смысл.

Рассматривая отзывы архим. Иоанна (Соколова), можно выявить следующие критерии, которые он использовал в своей критике: соответствие написанного своему назначению, наличие смысловой составляющей в произведении, качество

перевода Священного Писания и святых отцов, язык перевода Библии, орфографические и стилистические ошибки, соответствие содержания учению Церкви, отсутствие спорных эпизодов в описании истории Церкви, ее обрядов и истории редакций Священного Писания. Большинство их этих критериев соответствовали требованиям Устава духовной цензуры. Однако мнение цензора о том, что автор сочинения «заражен духом немецкой учености», а также о том, что сочинение вскрывает спорные эпизоды из истории формирования Священного Писания, является явно субъективным, слабо аргументированным и основанным на собственном понимании жизни Церкви.

Основываясь на архивных источниках и правилах Устава духовной цензуры Санкт-Петербурга, можно утверждать, что архим. Иоанн (Соколов) при запрещении рукописей нередко прибегал к таким аргументам, которые сложно было доказать или опровергнуть, как, например, «отсутствие смысла», «неосновательность мысли», что косвенно могло указывать на субъективизм при рассмотрении рукописей, однако данная практика отчасти имела свои основания. И в этой связи полезным будет прочесть мнение прот. Михаила Богословского: «Прежде умные люди творения свои зарывали в землю лет на десять и более, и потом, после строгого пересмотра, пускали в свет: а ныне умники, лишь только зародится в голове мысль, как бы дика ни была она, сейчас дают ей ход, обращают ее в вопрос и назойливо требуют поклонения своей идее...» [Котович, 1909, 421]. Однако здесь есть и другая сторона. В исследованных делах можно увидеть обилие замечаний, касающихся скорее редакторской деятельности, а не цензорской, то есть литературно-критической. И это, по мнению автора статьи, было одним из главных недостатков церковной цензуры в России, так как давало цензорам право предъявлять обвинения, основанные исключительно на собственных вкусах и понятиях. И архим. Иоанн (Соколов) неоднократно становился в роль редактора, отодвигая свою основную обязанность на второй план. Именно с этим связано столь негативное впечатление, сложившееся о нем как о цензоре [см. подр.: Котович, 1909, 414–418].

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 5. Д. 10631; Ф. 807. Оп. 2. Д. 1083; Д. 1088; Д. 1102; Д. 1112; Д. 1116; Д. 1120; Д. 1122; Д. 1125; Д. 1138; Д. 1140; Д. 1148; Д. 1156; Д. 1163; Д. 1170; Д. 1184; Д. 1202; Д. 1213; Д. 1221; Д. 1255.

Литература

2. Барсов (1887) — *Барсов Н. И.* Материалы для биографии Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического: в 2 т. СПб.: Типография Ф. Елковского и Ко, 1887. Т. 2.

3. Давыденков (2013) — *Давыденков О.*, прот. Догматическое богословие. М.: ПСТГУ, 2013.

4. Котович (1909) — *Котович А. Н.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография «Родник», 1909.

5. Смолич (1996) — *Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

6. Сочалов, Вульфсон (1948) — *Сочалов А. И., Вульфсон Г. Н.* Бездненское восстание 1861 года: Сборник документов. Казань: Татгосиздат, 1948.

7. Сборник (1870) — Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства Православного исповедания с 1720 по 1870 год. СПб.: Синодальная типография, 1870.

Metropolitan Isidore (Tupikin). The Activity of Archimandrite John (Sokolov) as a Member of the St. Petersburg Committee for Theological Censorship.

Abstract: For many decades, theological censorship has played an important role in the publishing not only of religious, but also secular literature in the Russian Empire. In this article the author discusses one of the censors of the St. Petersburg Theological Censorship Committee – Archimandrite John (Sokolov). In this committee there was a frequent change of censors, however, Archim. John managed to hold his office from 1848 to 1857. Based on the example of his work, the methods and principles used in theological censorship are shown. The main sources used are the Fund of the Theological Censorship Committee (f. 807), which is stored in the Russian State Historical Archive, and the “Collection of Legal Provisions and Orders on Theological Censorship”. In addition to other additional literature, the monograph of A. N. Kotovich is analyzed. By comparing the reviews by Archim. John with the official instructions of the “Collection of Legal Provisions..”, it became possible to identify the characteristic methods and the motivational dynamics of his decisions. In the conclusion of the article, the author, on the basis of the material received, formulates a conclusion regarding the objectivity of the views of Archim. John (Sokolov) and assesses his work as a member of the St. Petersburg Theological and Censorship Committee.

Keywords: theological censorship, secular censorship, Committee for Religious Censorship, Archimandrite John (Sokolov), authors, works, methods, prohibition.

Metropolitan Isidore (Roman Vladimirovich Tupikin) – Administrator of the Smolensk Diocese, Graduate Student at the Department of Church History of Moscow Theological Academy (tupikinrv2017@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 802, Inv. 5, File 10631; F. 807, Inv. 2, Files 1088; 1102; 1112; 1116; 1120; 1122; 1125; 1138; 1140; 1148; 1156; 1163; 1170; 1184; 1202; 1213; 1221; 1255. (In Russian).

References

2. Barsov (1887) – Barsov N. I. *Materialy dlya biografii Innokentiya (Borisova), arkhiepiskopa Khersonskogo i Tavricheskogo* [Materials for the biography of Innokentiy (Borisov), Archbishop of Chersonesus and Taurida]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Elkovskogo i Ko, 1887, 150 p. (In Russian).

3. Davydenkov (2013) – Davydenkov O., prot. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. Moscow: PSTGU, 2013, 622 p. (In Russian).

4. Kotovich (1909) – Kotovich A. N. *Dukhovnaya tsenzura v Rossii (1799–1855 gg.)* [Spiritual censorship in Russia (1799–1855)]. Saint Petersburg: Tipografiya “Rodnik”, 1909, 608 p. (In Russian).

5. Smolich (1996) – Smolich I. K. *Istoriya Russkoy Tserkvi: 1700–1917* [History of the Russian Church: 1700–1917]. Moscow: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr’ Publ., 1996, 800 p. (In Russian).

6. Sochalov, Vul’fson (1948) – Sochalov A. I., Vul’fson G. N. *Bezdnenskoe vosstanie 1861 goda: Sbornik dokumentov* [Bezdna revolt of 1861: Collection of documents]. Kazan: Tatgosizdat, 1948, 160 p. (In Russian).

7. Sbornik (1870) – *Sbornik zakonopolozheniy i rasporyazheniy po dukhovnoy tsenzure vedomstva Pravoslavnogo ispovedaniya s 1720 po 1870 god* [Collection of laws and regulations on the spiritual censorship of the Office of the Orthodox Confession from 1720 to 1870]. Saint Petersburg, Sinodal’naya tipografiya, 1870. (In Russian).